

В.С. Аксёнов

Носители кремационного обряда и этнокультурная обстановка в салтовском лесостепном Подонцовье (втор. пол. VIII – нач. IX вв.)

Создателями и носителями салтово-маяцкой культуры в лесостепном Подонцовье были различные народы, входившие во второй половине VIII – первой половине X вв. в состав Хазарского каганата. В геополитическом отношении бассейн верхнего течения Северского Донца представлял собой отдельный самостоятельный регион: Северо-Западную Хазарию [1, с. 6; 2, с. 8–9]. История исследований памятников салтово-маяцкой культуры в бассейне верхнего течения Северского Донца неоднократно освещалась в археологической литературе, что позволяет опустить подробное изложение этого вопроса. В качестве обобщающей работы, подводящей результаты археологических исследований региона в последней четверти XX века, можно назвать статью В.К. Михеева [3, с. 74–93].

На сегодня можно уверенно говорить о присутствии в лесостепном Подонцовье не менее трех крупных этнических групп населения, которые оставили комплексы погребальных памятников, представляющих одну материальную культуру, но различающиеся специфическими чертами погребальной обрядности. Это, во-первых, представители аланского этноса, которым принадлежат на сегодняшний день девять, более или менее серьезно исследованных, катакомбных могильников; во-вторых, группы праболгарского населения, которые оставили после себя 13 могильников с ямным обрядом погребения [4, с. 168–184, рис. 85; 5, табл. 1, 2]. Третьей значительной силой, представленной в Верхнем Подонцовье, являлись носители кремационного погребального обряда. Именно с открытием и исследованием салтовского кремационного Сухогомольшанского могильника и биритуального могильника Красная Горка связано имя В.К. Михеева [6; 7]. Открытие кремационных могильников в бассейне Северского Донца позволило ведущему салтовед С.А. Плетневой отметить: «... В.К. Михеев обнаружил новый этнос, ранее нам неизвестный или «неосознанный», который необходимо вписать в сложившуюся и казавшуюся вполне завершенной картину жизни Северо-Западной Хазарии» [8, с. 83].

Картографирование известных на сегодняшний день могильников позволяет утверждать, что лесостепной вариант салтовской культуры не был монолитным в этническом плане, причем расселение разных племен не было хаотичным, а подчинялось некоей системе. При этом достаточно четко просматривается предложенное Г.Е. Афанасьевым разделение салтовской лесостепи на северный и юго-западный «экстерриториальные районы» [4, с. 153, рис. 86]. В основу такого разделения исследователем было положено расположение погребальных комплексов с разными погребальными традициями. Исследователь подчеркивал, что «ареал ямных могильников, накладываясь и на северный, и на юго-западный район, выходит далеко в глубину Донского левобережья..., но в Донецко-Донском междуречье он не образует самостоятельного экстерриториального региона» [4, с. 153]. Сегодня, в свете исследований последних лет, можно с уверенностью заявлять, что Северо-Западная Хазария в конце VIII – начале IX вв. состояла из двух экстерриториальных районов со своим специфическим населением. В северном экстерриториальном районе, который представлял собой сильно растянутый в широтном направлении «язык» размерами 200 на 60–80 км жили одновременно и аланы, и разноэтничные носители ямного погребального обряда. Юго-западный регион, представлявший собой широтно вытянутое пространство размерами 120 на 70 км, оказался занятым носителями только кремационного обряда [5, с. 45, рис. 1, 2].

И если с аланским и праболгарским этническими компонентами, проживающими в лесостепном варианте салтово-маяцкой культуры все относительно ясно, то с носителями кремационного обряда все еще связано много вопросов. Однако, полевые исследования начала XXI века позволили расширить наши знания относительно количества кремационных салтовских могильников в Подонцовье, что делает ценной любую попытку аналитического осмысления всего известного на данный момент материала.

Погребения по обряду трупосожжения в лесостепном Подонцовье до недавнего времени

были представлены как отдельными погребениями и поминальными комплексами (Кочеток, Тополи) [9, с. 33–50; 10, с. 239–243], так и могильниками (Новая Покровка, Пятницкое, Лысый Горб, Сухая Гомольша, Красная Горка) [11, с. 99–108; 12, с. 48–50; 13, с. 34–40; 14]. Наиболее полно изученным и опубликованным памятником является могильник у с. Сухая Гомольша [14, с. 8–71]. «Черными археологами» в окрестностях Сухой Гомольши было обнаружено еще несколько кремационных могильников, а отдельные найденные ими комплексы стали известны специалистам [15, с. 357–368; 16, с. 30–36]. На сегодня, благодаря усилиям сотрудников Слобожанской археологической службы, в окрестностях Сухогомольшанского городища обнаружено два ранее не известных кремационных некрополя («Балка Сухая Гомольша» и «Яр Плоский») [17, с. 7–10, рис. 1.1.1: 1, 2, 3]. А всего в 5 км к востоку от Сухогомольшанского городища обнаружен еще один новый могильник по обряду кремации [18, с. 187, рис. 1]. Недалеко от Пятницкого биритуального некрополя недавно были открыты и частично исследованы еще два кремационных могильника – Кицевский и Кочетокский (склоны балки Сорокова) [17, рис. 1.3.1–1.3.32; 19, с. 95–109; 20, с. 79–84; 21, с. 118–121]. К сожалению, эти некрополи долгое время грабились «черными археологами» и, по самым приблизительным подсчетам, с этих могильников в частных коллекции поступило не менее полутора десятков сабель, 40–50 наконечников копий, 30–40 топоров-чеканов, десяток очажных цепей, несколько десятков стремян и удила, а также огромное количество других предметов: конского снаряжения, фибул, железных ножей и т.п.

Анализ материалов из погребальных комплексов региона показывает, что активное проникновение сюда представителей Хазарского каганата началось в 40-х годах VIII в. [5, с. 36]. В это время на правом высоком берегу Северском Донце возникают первые небольшие аланские могильники: Старосалтовский и Рубежанский [22; 23]. Так, в аланских погребальных памятниках удалось выявить немногочисленные комплексы раннесалтовского хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская (740–790 гг.) [22, с. 141; 23, с. 76]. В это же время появляются первые катакомбные захоронения на Верхне-Салтовском могильнике (участок ВСМ-III), о чем свидетельствуют немногочисленные элементы поясной гарнитуры, а также Т-образные фибулы серии Дай-Анач-кала [5, рис. 4: 1, 2, 12, 13], датируемые по северокавказским материалам VII – серединой VIII вв. [24, с. 415–417, рис. 5: 6]. Подобные Т-образные фибулы характерны именно для хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская [25, с. 52, рис. 4: 20].

Носителями ингумационного погребального обряда с восточной ориентировкой покойников в 50–80-х годах VIII в. закладывается Нетайловский грунтовой могильник, расположенный напротив Верхне-Салтовского городища с другой стороны брода через р. Северский Донец. Элементы поясной гарнитуры, характерные для этого времени, обнаружены в целом ряде погребений этого некрополя [5, рис. 7]. Аналогичные найденным в погребениях Нетайловского могильника элементы поясной гарнитуры в основном происходят из подкурганых захоронений Нижнего Подонья VII – первой половины VIII вв. [26, с. 118–131]. С указанным временем возникновения могильника вполне согласуется обнаружение в двух погребениях (№ 164 «Б», погр. 249) византийских солидов Константина V (751–757 гг.) [5, с. 42], имеющие, как считает ряд исследователей, незначительный период запаздывания [27, с. 94–95].

Одновременно с этими группами переселенцев, в середине VIII века, в бассейн Северского Донца попадает население, кремировавшее своих покойников. Так, на наиболее раннем участке Верхне-Салтовского некрополя (ВСМ-III) между дромосами катакомб экспедицией под руководством Д.Т. Березовца были обнаружены два комплекса вещей («тайнички») со следами преднамеренной порчи и пребывания в огне [28, с. 5]. Использование при работах на могильнике землеройной техники, с помощью которой срезался верхний слой грунта до обнаружения пятен дромосов [28, с. 2], позволяет предположить, что синхронные обнаруженным «тайничкам» кремационные погребения были попросту уничтожены. В целом ряде кремационных памятников (Тополи, Кицевка, Сухая Гомольша, Красная Горка) были найдены элементы поясной гарнитуры, характерные для горизонта Столбище-Старокорсунская [5, рис. 5: 15; 16, илл. 10: 3–6], а также такой хронологический репер раннесалтовских комплексов, как железные фибулы с завитком на конце [5, рис. 6: 1–4; 25 с. 52, рис. 4: 27]. Элементы поясной

6

7

гарнитуры этого же хронологического горизонта были обнаружены и на вновь открытых кремационных могильниках (рис. 1) – Нижний Бишкин, Сухая Гомольша, «Балка Сухая Гомольша» [16, Илл. 10: 3-6; 17, рис. 1.1.17: 5, 6; 18, рис. 1: 1]. Присутствие в кремационных комплексах региона большого числа предметов конского снаряжения свидетельствует о подвижном образе жизни носителей данного погребального обряда. Первоначально носители кремационного обряда, продвигаясь от Донецко-Оскольского водораздела, по-видимому, освоили земли по левому берегу Северского Донца и его левым притокам. Чуть позднее они перешли на правый берег и начали контролировать переправы и броды через Северский Донец. Так, «кремационный могильник Лысый Горб и биритуальный некрополь Красная Горка расположены рядом с хорошо известными и в более позднее время бродами через Северский Донец на границе степи и лесостепи. Некрополь Сухая Гомольша расположен также недалеко от брода через Северский Донец и рядом с местом впадения в Северский Донец речки Сухая Гомольша, исток которой находился в землях славян» [29, с. 138]. Для контроля переправ по правому берегу Северского Донца в границах юго-западного «экстерриториального» района возник целый ряд городищ, расстояние между которыми по долине реки зачастую составляло всего 5–7 км (рис. 1). При этом район Поосколья стал своеобразной «внутренней» областью, с незначительной плотностью салтовского населения. В дальнейшем хозяйственное освоение региона и демографический рост привели к заселению бассейнов малых рек – притоков рр. Северского Донца и Оскола. Носители кремационного обряда проникали по р. Удам (до с. Терновая), по р. Мже (до г. Мерефы), в верхнее течение р. Береки – до слияния с р. Кисели [5, с. 35, рис. 3].

Присутствие в ранних аланских катакомбах и в погребениях с восточной ориентировкой покойников (Нетайловский могильник) Т-образных фибул, массивных браслетов с расширяющимися концами и утолщением в средней части, височные подвески с 14-гранником на конце [5, рис. 4: 12, 13; 5: 1, 2, 4] указывает, по нашему мнению, на исходное место проживания данного населения до его переселения в бассейн Северского Донца. Этим исходным районом является Северо-Восточный Кавказ (территория современной Чечни, Ингушетии и Дагестана) [30, с. 183, рис. 4], т.е. районы первоначального центра Хазарского каганата. Не противоречит этому выводу и обнаружение в погребениях Нетайловского могильника элементы поясной гарнитуры характерных в основном для подкурганых захоронений VII – первой половины VIII вв. [26, с. 118–131], связываемых собственно с хазарами [8, с. 82]. Исходным же районом миграции части носителем салтовского кремационного обряда был Кубано-Черноморский район [31, рис. 41].

Несмотря на постепенное расширение источниковой базы, этническая атрибуция салтовских кремационных захоронений остается значительной проблемой. В настоящее время существует пять основных гипотез этнической принадлежности салтовских кремационных захоронений в бассейне Северского Донца: славянская, тюркская, иранская, угорская и адыгская. Историографические очерки А.К. Дегтяря и Г.С. Богуславского, в которых детально рассматривается историография проблемы и приводятся аргументы в пользу той или иной точки зрения [32, с. 75–83; 33, с. 52–57], позволяют опустить освещение этого вопроса в данной работе. В настоящее время наиболее обоснованной выглядит адыгско-абхазская версия, впервые предложенная Г. Е. Афанасьевым [34, с. 53] и – почти одновременно – А. В. Пьянковым [35, с. 205]. Исследования показали, что по инвентарю и погребальному обряду салтовским кремациям Верхнего Подонцовья наиболее близкими являются трупосожжения Кубано-Черноморского района: типа последних хронологических групп могильников Борисовского и Дюрсо [36, с. 195–198, табл. 78; 37, с. 203–205, табл. 87–92]. Исходя из схожести кремационных погребений этих двух регионов, Г.Е. Афанасьев предложил искать истоки салтовского кремационного обряда в адыго-абхазской среде. В работах А.В. Пьянкова кремационные захоронения Кубано-Черноморского района VIII – IX вв. (а, следовательно, и салтовские кремации Подонцовья) отождествляются с пришлым населением – касогами [35, с. 205].

В своем диссертационном исследовании П.С. Успенский, рассмотрев кремации Северо-Западного Кавказа VIII – XIII вв., однозначно связывает их с племенами зихско-касожского круга, которые, по данным нарративных источников, локализовались в Закубанье [31, с. 278].

При этом исследователь ссылается на тот факт, что погребения, совершенные по обряду трупосожжения VIII – IX вв., выявлены не только во вновь образованных могильниках, но и в некрополях с ингумациями, основанных местным населением в предшествующее время (кремации в могильниках Борисово, Дюрсо, Псекупский и др.) [31, с. 278]. Это, по мнению П.С. Успенского, «свидетельствует не столько о появлении нового населения, сколько о распространении иного мировоззренческого импульса в среде местного населения, выразившегося в восприятии новой погребальной практики» [31, с. 278]. Данное положение, как нам представляется, выглядит несколько голословным, ибо П.С. Успенский не уточняет с какими именно событиями VIII в. на Северо-Западном Кавказе связано появление этого «иного мировоззренческого импульса», и с какой территории он исходил. При этом недостаточная разработанность внутренней хронологии кремационных памятников Северо-Западного Кавказа VIII – IX вв. ставит под сомнение вероятность одновременного существования в данном регионе 47 могильников с трупосожжениями хазарского культурно-исторического периода, дифференцированного на три территориальные группы и отличающиеся между собой разным процентным соотношением разных типов кремационных захоронений (в ямах, в каменных ящиках, в урнах) [31, с. 128–142]. Нельзя исключать, что некоторые различия в погребальном обряде в захоронениях на могильниках разных территориальных группах обусловлены хронологическим фактором. Это тем более вероятно, так как П.С. Успенским были зафиксированы изменения в способе погребений кремированных останков следующий хронологический период (X – XII вв.), а именно: исчезновение погребений в каменных ящиках, увеличение числа погребений в урнах и почти полное исчезновение безурновых (ямных) кремаций [31, с. 155–156]. Тенденция уменьшения со временем (от VIII – IX к X – XII вв.) ямных кремаций на могильниках Северо-Западного Кавказа должна каким-то образом объяснять тот факт, что на могильниках 2-ой территориальной группы, концентрирующейся в степной зоне западного Закубанья, безурновые кремации составляют 100% от общего количества захоронений [31, с. 138]. И только в погребениях этой группы представлены элементы поясной гарнитуры характерные для хронологического горизонта Столбище–Старокорсунская (740–790 гг.) – Молдованоский могильник [38, рис. 3: 5, 8; 39, рис. 5: 3, 7, 10–14; 7: 16–19], и широко представленные в «подкурганых погребениях с ровиками» [26, рис. 3, 4]. В двух других территориальных группах могильников с сожжениями, где процент безурновых кремаций ниже – 70,7% (Причерноморская группа – Борисово, Дюрсо) и 56,6 % (северо-восточная часть западного Закубанья) [31, с. 138], детали поясной гарнитуры раннесалтовского времени (740–790 гг.) в кремационных захоронениях совсем не представлены, или происходят из погребений по обряду трупоположения (Казаво) [40]. Этот факт позволяет предположить, что носителя «иного мировоззренческого импульса» П.С. Успенского появились первоначально в степные районы западного Закубанья (2-я и 3-я территориальная группа кремационных некрополей), откуда они уже спустя какое-то время пришли в Причерноморскую область Северо-Западного Кавказа (1-я территориальная группа). В этом случае первоначальными носителями кремационного обряда хазарского культурно-исторического периода для Северо-Западного Кавказа, как это предполагает О.Б. Бубенок, были представители кочевого населения (этноним касоги или кас-), очевидно тюркского происхождения, внедренные хазарской администрацией в адыгскую среду в рамках стабилизационных мероприятий на юго-западной границе Хазарского каганата [41, с. 61]. Появления этого нового кочевого населения в районах западного Закубанья произошло, вероятно, вскоре после разгрома хазарами Великой Болгарии Кубрата (последняя четверть VII – начало VIII вв.). Постепенно оно смешалось с местным адыгским населением. Со временем, по-видимому, имя пришельцев (касоги) распространилось на подвластное им местное адыгское население, с которым следует связывать ингумационные захоронения в каменных ящиках [41, с. 61]. Под влиянием пришельцев адыгское население начинает кремировать своих покойников, что подтверждают кремации в каменных ящиках [36, с. 196], представленные только на Борисовском могильнике [31, с. 135].

Именно это смешанное (тюрко-адыгское) население Северо-Западного Кавказа и было переселено в 40-х годах VIII в. в бассейн Северского Донца. В одной из своих работ с подобной

атрибуцией салтовских кремаций Подонцовья согласился и В.К. Михеев [3, с. 88–89]. Однако, разнотипность кремационных захоронения (ямные, урновые), использование сосудов-приставок, присутствие «тайничков» на памятниках Верхнего Подонцовья указывает на разнотипность носителей кремационного обряда в регионе. При этом кремации с оружием и конским снаряжением, сопровождаемые «тайничками», мы склонны связывать с какой-то группой тюрского (хазарского) населения [14, с. 184; 29, с. 138]. Другие кремации могли быть оставлены представителями славянского, угорского и адыго-абхазского этносов, оказавшихся вместе с хазарскими тюркютами в бассейне р. Северского Донца [14, с. 182–183; 29, с. 138–139].

При этом, по справедливому замечанию В.К. Михеева, «количество признаков погребального обряда может зависеть от степени исследованности памятника: чем он полнее раскопан, тем больше качественных признаков в нем присутствуют...» [3, с. 76]. На сегодняшний день в Подонцовье известны некрополи на которых открыты пока только безурновые кремации (Новая Покровка, Лысый Горб, Кицевка, Кочеток, «Балка Сухая Гомольша», «Яр Плоский»), так и могильники и с ямными, и с урновыми кремациями (Сухая Гомольша, сожжения Красной Горки). При этом безурновые кремации имеют достаточно широкий видовой спектр (в ямах разных форм, размеров, разной ориентировки, с компактным и рассеянным помещением кремированных останков и др.). Кроме того, на Кочетокском могильнике были открыты безурновые кремации, совершенные в ямах по размерам и глубине не отличающиеся от могильных ям ингумационных захоронений [21, с. 118–121, илл. 4, 6]. Еще одно подобное кремационное захоронение было исследовано экспедицией под руководством В.В. Колоды недалеко от с. Мохнач¹. Захоронения в близких по размеру могильных ямах были открыты на Новотроицком городище [42, рис. 2]. В.В. Приймак склонен связывать захоронения на Новотроицком городище с представителями финно-угорского мира [42, с. 96], и датировать их появлением временем после 30-х годов IX в., когда в южнорусских степях пребывали угры-мадьяры [42, с. 97–98]. К сожалению, отсутствие в захоронениях Кочетокского могильника и погребении у с. Мохнач узко датированных вещей, не позволяет определить время их возникновения уже, чем время существования салтово-маяцкой культуры. Однако, обнаружение этих захоронений, в сочетании с уже известными видами салтовских кремаций бассейна Северского Донца, свидетельствуют о достаточно сложной этнической ситуации в регионе.

На сегодня, учитывая весь комплекс узко датированных погребальных материалов, обнаруженных в салтовских кремациях Подонцовья, можно предложить, что на начальном этапе освоения региона (740–790 гг. н.э.) носителями кремационного обряда были оставлены в основном ямные захоронения, сопровождаемые вещевыми комплексами, содержащими широкий набор вооружения, конское снаряжение, приспособления для приготовления пищи в походных условиях (котлы, надочажные цепи, шампуры, вилки для доставания мяса из котла). Со временем, под влиянием местного земледельческого населения и усиления процессов седентаризации, количество захоронений с кремированными человеческими останками, помещенными в урну, увеличивается. Постепенно происходит и переход от кремации к погребениям по обряду труположения. Свидетельством этому является биритуальный могильник Красная Горка, который функционировал с конца VIII до третьей четверти IX века. На этом памятнике открыто достаточно большое количество погребальных комплексов, когда одни погребения были впущены в заполнения могильных ям других захоронений без разрушения последних. При этом, чаще всего, основное погребение было ингумационным, а новое захоронение, впущенное в заполнение его могильной ямы, было совершено по обряду трупосожжения [43, с. 127, 128, табл. 1, 2]. Находившиеся в одной могильной яме разнообрядовые захоронения (основное и дополнительное) могли быть как одновременными, так и совершенными спустя какое-то время [43, с. 125]. Это однозначно указывает на осведомленность людей, проводивших обряд о присутствии здесь уже существующего погребального комплекса. Такие погребальные комплексы, содержавшие основное и дополнительное захоронения, мы считаем захоронениями близких родственников. Разница в способе обращения с телом умершего родственника, по нашему мнению, вероятно, связана с полукочевым образом жизни населения, оставившего данный мо-

1. Смотри статью В.В. Колоды в настоящем сборнике.

гильник. Так, тела людей, умерших по время зимовки, хоронились по обряду труположения на кладбища, расположенном рядом с зимником. Тела же их родственников, умерших о время военного похода или в процессе выпаса скота в период с ранней весны по позднюю осень, вдали от зимника подвергались сожжению и уже в таком виде доставлялись на родовое кладбище [43, с. 135–136]. Практика, когда умерших вдали от дома людей везли за многие сотни километров, чтобы похоронить на родовом кладбище, хорошо известная многим народам мира [44, с. 60]. Изменение в способе обращения с телом умершего человека вдали от дома у данного населения, возможно, объясняется тем фактом, что во многих традиционных обществах человек, находящийся в пути (в походе, в процессе выпаса скота и т.п.), рассматривался как существо вне обычного статуса, так как он пребывал в «ином мире», а, следовательно, по отношению к оставшимся на зимнике родственниками он занимал положение приближенное к положению предков [45, с. 76, 77]. И уже вследствие этого, возвращение тела умершего человека со следами видимого разложения вряд ли было допустимо без боязни, что это приведет к новым смертям среди живых родственников. Необходимо было дать возможность покойнику уйти в иной мир своей дорогой и предотвратить возможность возвращения назад к живым родственникам. Этим и объясняется разнообразие в способах погребения умерших людей зафиксированное на могильнике Красная Горка [43, с. 136].

К тому же, на позднем участке могильника была обнаружена компактная группа кремационных захоронений, состоящая из пяти погребений, к которым с севера и северо-востока примыкало четыре погребения по обряду труположения (погр. № 297, 298, 309, 310). Одно кремационное захоронение было ямным (№ 296), примыкающие к нему с северо-востока кремации – урновые. В двух захоронениях урны стояли вверх дном (погр. № 295, 299), в двух – урны стояли устьем вверх (погр. № 294, 307). В эту группу входило захоронение, перевернутые человеческие кости в котором находились в гончарном горшке волынцевского типа, перевернутом вверх дном (погр. № 299), а в одном ингумационном погребении (№ 297) был найден крымский кувшинчик со следами длительного использования [46, табл. I, с. 3-5, 8, 9].

Вероятно, в конце IX века часть носителей кремационного обряда из районов Подоцковья возвращается в исходные районы своего проживания – в Закубанье. Косвенным подтверждением этому, как нам видится, является присутствие в кремационных погребениях Кубано-Черноморского района двуконьковых шумящих подвесок [37, табл. 88: 42–44; 38, рис. 3: 9, 11; 47, с. 23, рис. 5: 3–6], исходным районом происхождения которых является Прикамье [48, с. 86]. Коньковые шумящие подвески, найденные и в кремациях Кубано-Черноморского района, и в погребениях бассейна Северского Донца относятся к одному виду (второй вариант первого типа по классификации Л.К. Голубевой), время бытования которых в памятниках Верхнего Прикамья определяется концом VIII – началом IX вв. [48, с. 87, 89, рис. 7: 4]. Данные подвески, как отмечает П.С. Успенский, не характерны для памятников Кубано-Черноморского района предхазарского культурно-исторического периода, и они не могут, по мнению исследователя, маркировать новый для региона этнос [31, с. 266]. Отметим, что, будучи важным элементом костюма, выполняя социальные, биологические, сакральные, эстетические и др. функции [49, с. 5, 6], данные коньковые подвески вряд ли могли служить предметом торговли или обмена. Подобные вещи в традиционных обществах всегда производились мастерами для конкретных заказчиков и согласно существующей моды, поэтому попасть за пределы ареала конкретной этнической группы они могли только с представителями этой группы населения [50, с. 26] или через представителей другой этнической группы населения, но которым эти предметы оказались идеологически, культурно, сакрально понятны и близки. Таким населением для Кубано-Черноморского региона хазарского времени могли быть только носители кремационного обряда из бассейна Северского Донца.

Возможно, салтовцами в Закубанье была принесена такая разновидность кремации, когда погребальная урна сопровождалась захоронением коня. Такое захоронение было открыто на могильнике Красная Горка (погр. № 216/к-19). Остатки кремации были помещены в урну, в качестве которой выступал салтовский двуручный горшок-ваза. Часть инвентаря находилась внутри урны, часть – располагалась рядом с ней, здесь же лежали стремена, начельник,

подпружная пряжка. В 2 м к западу от урны находился костяк коня, обращенный черепом в сторону урны. При костяке коня лежала остальная часть конского снаряжения – удила, украшения ремней уздечки, сбруйное кольцо [51, с. 387, 389, рис. 1]. Всего одно такое захоронение (урна сопровождалась захоронением лошади – № 27 и № 30) было обнаружено на могильнике 8-я Щель (первая территориальная группа кремаций VIII – IX вв. Северо-Западного Кавказа) [31, с. 137; 52, с. 7]. Зато количество таких кремационных захоронений резко увеличивается в следующий хронологический период (X–XII вв.). Такие погребения обнаружены на могильнике Ленинохавль, Черноклан, у поселка Абрау-Дюрсо, Южноозереевского некрополя, Андреевская Щель [31, с. 154, рис. 71]. При этом урна с прахом располагается в одной яме вместе с костяком лошади, у её морды, или в районе задних конечностей [31, с. 154, рис. 71: 1, 2]. Урной в этот хронологический период служат все чаще большие двуручные корчаги [31, с. 155, рис. 71], которые внешне напоминают салтовские двуручные горшки-вазы [51, рис. 1: 3]. В следующий хронологический период – XII – XIII вв. – количество таких захоронений на памятниках Северо-Западного Кавказа еще больше увеличивается, но теперь погребения совершаются под курганами [31, с. 189]. При этом прослеживается тенденция к уменьшению расстояния между захоронением человека и погребением коня: 2 м – в Красной Горке, 1 м – в могильнике 8-я Щель, рядом с мордой коня – в захоронениях X – XII вв. Северо-Западного Кавказа. Прототипом таких кремационных захоронений с конем на памятниках бассейна Северского Донца, по-видимому, следует считать ингумационные захоронения могильника Красная Горка, в которых конь располагается в ногах человека и обращен черепом к его ногам (тип I, вариант 1) и захоронения, в которых погребение коня находится в отдельной яме в 2 м от ног хозяина (погр. № 144, 145 – конь № 1, 14, соответственно) [53, с. 117, 121, рис. 1: 1; 2: 1, 2].

Таким образом, северный и юго-западный «экстерриториальные районы» лесостепи были освоены разным народам, создателям одной – салтово-маяцкой культуры. Если отталкиваться от тезиса о том, что заселение салтовской лесостепи происходило по велению центральной власти Хазарского каганата [54, с. 46], то и районы лесостепного Подонцовья для заселения народов были определены хазарами, в соответствии со спецификой их хозяйственной деятельности. При этом судьбы этносов оказавшихся в Подонцовье «определились хазарами во многом в соответствии с событиями и задачами, возникающими из внутренних проблем и внешних ситуаций» [55, с. 329]. Если главной причиной побудившей хазарское правительство переселить часть кавказского населения в Верхнее Подонцовье, была серия тяжелых поражений в арабо-хазарских войнах на рубеже VII – VIII вв. и особенно во время арабского похода 737 г., совпавшее с засушливым периодом в причерноморской степи [56, с. 212–213], то включение лесостепного Подонцовья в хозяйственное использование в государственных интересах вполне обоснованно. Невозможность получения правящей верхушкой каганата дополнительных доходов в виде награбленного имущества, скота и т.п. вследствие прекращения военных действий на Кавказе, должно было быть компенсировано освоением новых земель на северо-западных окраинах Хазарии.

Центральная власть была заинтересована, чтобы переселенцы осваивали регион, занимаясь земледелием и скотоводством на новых территориях, так как на момент их переселения местное позднепеньковское население бассейна р. Северского Донца было, вероятно, чрезвычайно малочисленным, и поэтому не способным обеспечить должным образом потребности верхушки Хазарского каганата продуктами земледелия и скотоводства. Как свидетельствуют археологические материалы, на территории лесостепного варианта СМК на сегодняшний момент известно около 80 памятников пеньковской культуры (V – VII вв.) [57, с. 149–153], в то время как с салтовским населением связано более 270 [4, с. 168–184]. К тому же уровень сельского хозяйства салтовского населения лесостепи [58, с. 139–153] был более высоким, по сравнению с уровнем сельского хозяйства пеньковцев [57, с. 84–95; 59, с. 301–314]. Переселенцы, осваивая регион, со временем справились с задачей обеспечения центральной власти каганата продуктами сельского хозяйства. Однако, участие в хозяйственном освоении региона у разных этнических групп салтовского населения, по-видимому, было разным. Так, в катакомбных и кремационных захоронениях достаточно часто встречаются такие предметы для обра-

ботки земли как тесела-мотыжки [14, с. 97–98, рис. 19: 6; 41: 10; 57: 9; 60, с. 91, рис. 46]. В то же время они совсем не известны в ингумационных захоронениях с восточной ориентировкой (Нетайловка) [61, с. 75–87], или же представлены единичными экземплярами в ингумациях с западной ориентировкой умерших (Красная Горка) [62, рис. 5: 20]. Незначительное количество предметов связанных с сельским хозяйством в захоронениях Нетайловского и Красногорского могильников, а также присутствие на них достаточно большого числа погребений людей в сопровождении коня [53; 64, с. 207–242], позволяет предположить, что населения, оставившего данные некрополи, больше специализировалось на скотоводстве, и их деятельность была больше связана с выполнением воинских функций. Война и все, что с ней связано, было основной деятельностью и для части населения, кремировавших своих покойников. В захоронениях по обряду ингумации, и кремации довольно часто встречаются складные серпы [14, с. 96–97, рис. 18: 1; 51, рис. 4: 19; 62, рис. 2: 5; 63, рис. 5: 8], которые входили в походный набор воина-всадника. Вероятно, они служили для того, что в условиях военного похода воин мог относительно быстро и в нужном объеме заготовить корм для своего коня, которого вряд ли отпускали в этом случае свободно пастись. Этим достигалась скрытность, так необходимая в боевых условиях.

В условиях славяно-хазарского пограничья исполнять воинскую повинность должно было все население, находящееся в подчинении Хазарского каганата. Однако, разным этническим группам, вероятно, в этом деле была отведена своя особая роль. Так, аланам, расселившимся вдоль северо-западной границы каганата и связанным оседлым укладом жизни, была доверена охрана «демаркационной зоны», разделяющей славян и хазар [55, с. 325; 65, с. 24; 66, с. 18]. На них возлагалось несение гарнизонной службы [67, с. 59–60]. Вероятно, эта же функция была возложена и на часть населения проживавшего вблизи салтовских городищ (Сухая Гомольша) и сжигавших своих покойников. Однако, для решения оперативных задач в регионе необходимы были дополнительные мобильные контингенты, созданные из числа подданных каганата, которые не были связаны с хозяйственной оседлостью, но при этом состоящие на службе у хазар [55, с. 328]. Таким населением, судя по материалам погребальных памятников, была часть носителей кремационного обряда и тюрко-угорское население, оставившее биритальный могильник Красная Горка и грунтовой Нетайловский некрополь, где зафиксированы многочисленные захоронения с широким набором предметов вооружения (сабли, копья, луки, топоры-чеканы, кистени) и конского снаряжения [51, с. 387–406; 53, рис. 4, с. 127–128; 68, с. 98–114; 69, с. 23–37]. Данное население, вероятно, несло службу мобильно-строевого характера, а также могло быть проводниками и охранниками купцов, идущих к соседним народам, или же собирать дань в пользу хазар с местного населения и покоренных славянских племен [55, с. 328].

Получив позитивный опыт первоначального освоения лесостепи, для удовлетворения своих возрастающих потребностей центральная власть, вероятно, переселила в этот регион дополнительные массы северокавказского и другого подчиненного или союзного им населения с территорий, более удаленных от домена кагана. Свидетельством этого является наличием в катакомбной погребальной обрядности аланского населения Подонья-Подонцовья трех традиций: Верхне-Салтовско-Ютановской, Дмитриевско-Нижнелубянской и Маяцкой [1, с. 91–92], указывающих на существование нескольких племенных групп, изначально проживавших в разных регионах Северного Кавказа.

Таким образом, при расселении народов на новых землях центральная власть Хазарского каганата, несомненно, принимала во внимание специфику хозяйственной деятельности и военных традиций переселяемых этнических групп. В обоих вариантах существовало население, практикующее полукочевое хозяйство, т.к. территория Донецко-Оскольского междуречья способствовала успешному ведению полукочевого хозяйства в условиях аридизации степных районов [56, с. 212]. Переселение носителей ямного обряда в Верхнее Подонцовье (Нетайловский могильник и ему подобные), очевидно, преследовало цель усилить военную и хозяйственную мощь «северного региона» лесостепного локального варианта салтовской культуры. При этом сложился достаточно эффективный симбиоз представителей разных военных традиций.

Присутствие в некоторых ямных захоронениях и кремациях предметов вооружения (сабель, наконечников стрел и копий, обушков кистеней, кинжалов) и конского снаряжения указывает, что они принадлежали легковооруженным конным воинам, составлявшим подвижные отряды легкой кавалерии. Аланское же население, судя по предметам вооружения, присутствующим в катакомбных захоронениях [67, с. 52–62], являлось пешим войском, задачей которого было поддерживать своих союзников в боевых операциях и обеспечивать обороноспособность салтовских крепостей региона. Мирное сосуществование разных по происхождению, языку, хозяйственным и военным традициям народов в лесостепи свидетельствует о тщательно продуманной концепции переселения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона. – М., 1993.
2. Тортика А.А. Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. – Харьков, 2006.
3. Михеев В.К. Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий // ХА. – Т. 3. – Киев–Харьков, 2004.
4. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // АОН. – Вып.2. – М., 1987.
5. Аксёнов В.С., Лаптев А.А. Освоение населением Хазарского каганата лесостепного Подонцовья: взгляд на проблему // СЕЭС. – Т. 12. – 2014.
6. Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник // СА. – 1986. – № 3.
7. Михеев В.К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990.
8. Плетнева С.А. Хазарские проблемы в археологии // СА. – 1990. – № 2.
9. Кухаренко Ю.В. Новопокровский могильник и поселення // Археологія. – Т. 6. – 1952.
10. Дегтярь А.К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. – 1984. – № 2.
11. Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. – Т. XLI. – 1951.
12. Шрамко Б.А. Погребения VIII – X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. – Минск, 1983.
13. Аксенов В.С., Воловик С.И. Новый салтовский могильник в Верхнем Подонечье // Донская археология. – 1999. – № 3–4.
14. Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII – X вв. // ХА. – Т. 5. – Киев–Харьков, 2006.
15. Аксенов В.С. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья // СЕЭС. – Т. 4. – 2005.
16. Колода В.В. Ещё одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши // СМАК. – Вып. 2. – 2012.
17. Голубева И.В., Окатенко В.М., Варачова К.Г., Квітковський В.І., Колода В.В., Резніченко І.О., Свистун Г.Є., Філатов Д.О. Звіт про археологічні експертизи в Харківській області та в м. Харкові в 2013 р. – Харків, 2014 // Архив ХИМ имени Н.Ф. Сумцова.
18. Окатенко В.М., Голубев А.М., Голубева И.В. Наукові експертизи і розвідки у м. Харкові та Харківській області // АДУ 2015. – К., 2016.
19. Лаптев О.О., Аксёнов В.С. Салтово-маяцкий кремационный могильник біля с. Кицівка на Харківщині // Археологія. – 2012. – № 4.
20. Свистун Г.Е. Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация) // СМАК. – Вып. 2. – 2012.
21. Свистун Г.Е., Квитковский В.И. Кремации в прямоугольных ямах на Кочетокском могильнике // СМАК. – Вып. 3. – 2013.
22. Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita antiqua. – № 2. – 1999.
23. Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. – 2001. – № 1–2.
24. Гавриутхин И.О. Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок // Албегова З.Х., Верещинский-Байбалов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС / Материалы охранных археологических исследований. – М., 2010.
25. Комар А.В. Горизонт Столбище-Старокорсунская и некоторые вопросы возникновения салтовской культуры // Finno-Ugrica. – 2000. – № 1.

26. Иванов А.А. Находки поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. – Самара, 2001.
27. Семенов А.И. О датированных способностях византийских солидов VII – VIII вв. // II-я Кубанская археологическая конференция. Тезисы. – Краснодар, 1993.
28. Березовец Д.Т. Отчет о раскопках средневековых памятников у с. Верхний Салтов, Старосалтовского района Харьковской обл. в 1959–1961/66 // НА ИА НАНУ. – Ф.е. 3984а.
29. Бубенок О.Б., Аксёнов В.С. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время // ХА. – Т. 8. – 2009.
30. Аксенов В.С. Ранняя группа личных украшений салтовского населения Подонцовья (по материалам погребений с фибулами Нетайловского могильника) // Древности 2012. – Вып. 11. – Харьков, 2012.
31. Успенский П.С. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII – XIII вв. как исторический источник. Дис. канд. ист. наук. Рукопись. – М., 2015.
32. Дегтярь А.К. Некоторые вопросы истории населения верхнего течения Северского Донца в раннем средневековье // Вестник ХГУ. – 1981. – № 214.
33. Богуславский Г.С. До питання про етнічну приналежність поховань за обрядом кремації салтово-маяцкої культури // Археологія. – 2001. – № 2.
34. Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства // РА. – 2001. – № 2.
35. Пьянков А.В. Касоги – касахи – кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. – Краснодар, 2001.
36. Гавриутхин И.О., Пьянков О.В. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV – XIII вв. – М., 2003.
37. Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V – IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV – XIII вв. – М., 2003.
38. Тарабанов В.А. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989 – 1990 годах. – Ейск, 1992.
39. Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Воинский комплекс 25 из Молдовановского могильника (раскопки 1989 г.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Выпуск. 3. – Армавир, 2004.
40. Тарабанов В.А. Средневековый могильник у села Казазово // Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. – Л., 1983.
41. Бубенок О.Б. Касоги на юго-западной границе Хазарского каганата // ХА. – Т. 12. – 2014.
42. Приймак В.В. Ямні поховання городища Новотроїцького // Археологія. – 1998. – № 2.
43. Аксенов В.С. Об одном из вариантов погребального обряда праболгарского населения салтовской культуры верхнего Подонцовья (по материалам биритуального могильника Красная Горка) // Дриновский сборник. Т. II. – Харьков–София, 2008.
44. Хазанов А.М. Социальная история скифов. – М., 1975.
45. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М. и др. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир – Новосибирск, 1988.
46. Михеев В.К. Отчет о раскопках Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1994 году. – Харьков, 1995 // Архив ХИМ имени Н.Ф. Сумцова.
47. Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Древности Кубани. Вып. 13. – Краснодар, 1998.
48. Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. – 1966. – № 3.
49. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). – М., 2006.
50. Мастыкова А.В. «Княжеская» мода эпохи Великого переселения народов и северокавказский женский костюм // РА. – 2008. – № 1.
51. Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры // СЕЭС. – Т. 7. – 2009.
52. Кононенко А.П. Отчет о работе Черноморского археологического центра в 1994 г. // Архив ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 18813.
53. Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тысячелетия н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. – К., 1996.
54. Михеев В.К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII – X вв. (Часть I) // Археология славянского юго-востока. – Воронеж, 1991.
55. Красильникова Л.И., Красильников К.И. Служебный образ болгар в Хазарском каганате (к продолжению темы) // Плиска–Преслав. – Т. 11. – София, 2015.
56. Комар А.В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археоло-

- гическим данным // Хазары / Евреи и славяне. – Т. 16. – Иерусалим–Москва, 2005.
57. Любичев М.В. Пеньківська культура Дніпро-Донецького межиріччя. Дис. ... канд. іст. наук. Рукопис. – Харків, 1994.
58. Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. – К., 2010.
59. Горбаненко С.А. Сільське господарство слов'ян другої половини I тис. н.е. (за матеріалами Лівобережжя Дніпра) // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. – К., 2004.
60. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989.
61. Пархоменко О.В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII – IX ст. // Археологія. – 1983. – № 43.
62. Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // Vita antiqua. – № 5–6. – 2003.
63. Аксёнов В.С. Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовой могильник) // СЕЕС. – Т. 7. – 2009.
64. Аксёнов В.С. Погребения всадников Нетайловского могильника салтовской культуры: типология и хронология (по материалам 2003–2010 годов) // СЕЕС. – Т. 9. – Донецк, 2012.
65. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – Москва–Иерусалим, 1999.
66. Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. – Воронеж, 1998.
67. Криганов А.В. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // Археологія. – 1993. – № 2.
68. Криганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1989.
69. Аксенов В.С., Криганов А.В. Захоронение на селище салтовской культуры Нетайловка 2: к вопросу о салтово-венгерских культурных контактах // Дивногорский сборник. – Вып. 1. – Археология. – Воронеж, 2009.

Резюме

Аксёнов В.С. Носители кремационного обряда и этнокультурная обстановка в салтовском лесостепном Подонцовье (втор. пол. VIII – нач. IX вв.).

Работа посвящена проблеме освоения Верхнего Подонцовья разными народами, входившими в состав Хазарского каганата, во второй половине VIII – начале IX вв. В работе затрагивается вопрос этнического родства носителей кремационного обряда в Подонцовье с представителями Северо-Западного Кавказа хазарского культурно-исторического периода.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, Подонцовье, Хазарский каганат, аланы, праболгары, касоги.

Аксёнов В.С. Носії кремацийного обряду та етнокультурна ситуація в салтівському лісостеповому Подонцов'ї (друга пол. VIII - початок IX ст.).

Робота присвячена проблемі освоєння Верхнього Подонцов'я різними народами, які входили до складу Хозарської держави, у другій половині VIII – на початку IX ст. У роботі розглядається також питання етнічної спорідненості носіїв кремацийного обряду в Подонцов'ї з представниками Південно-Західного Кавказу хозарського культурно-історичного періоду.

Ключові слова: салтово-маяцька культура, Подоцов'є, Хозарський каганат, алани, праболгари, касоги.

Aksyonov V. Carriers of cremation rite and the etnokulturnaya situation in saltovskom forest-steppe Podontsove (secondary half VIII – beginning IX century).

Work is dedicated to the problem of upper Podontsovy's mastery by different peoples, which entered into the composition of Khazarskogo khanate, in the second-half VIII – the beginning IX century. In the work is touched upon the question of the ethnic relationship of the carriers of cremation rite in Podontsove with the representatives of the North Western Caucasus khazarskogo cultural-historical period.

Key words: saltovo-mayatskaya culture, to upper Podontsove, Khazarskiy khanate, alany, prabolgary, kasogi.

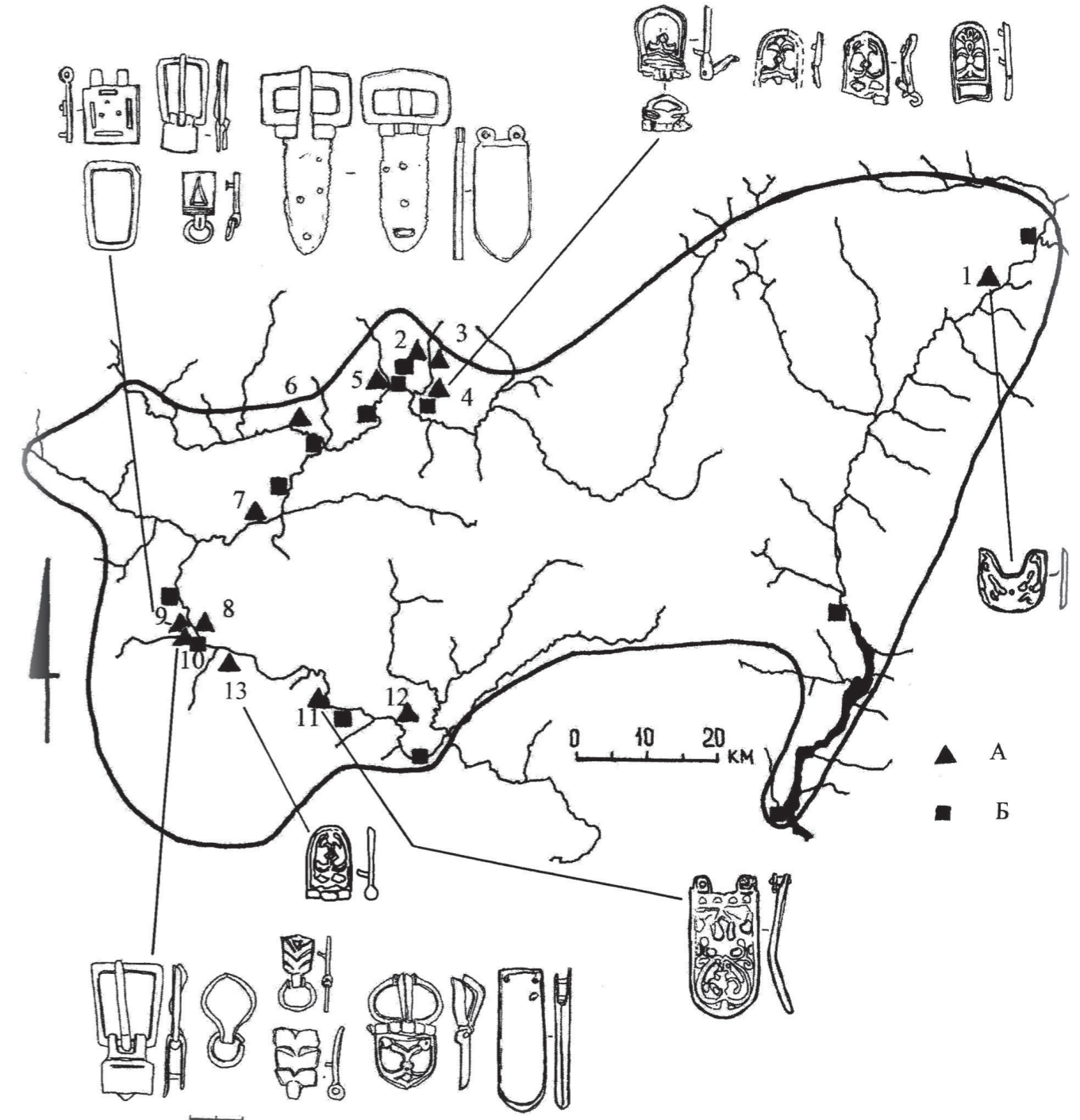

Рис. 1. Юго-западный район лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.

А – могильники и отдельные комплексы с кремационным обрядом погребения, Б – салтово-маяцкие городища. 1 – Тополи; 2 – Кочетокский могильник (на склонах оврага Сороков); 3 – Пятницкий могильник; 4 – Киевский могильник; 5 – Кочеток; 6 – Новая Покровка; 7 – Мохнач; 8 – могильник «Яр Плоский»; 9 – могильник «Балка Сухая Гомольша»; 10 – Сухогомольшаенский могильник; 11 – могильник Красная Горка; 12 – могильник Лысый Горб; 13 – могильник Нижний Бишкин.